

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 7–18
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(2):7–18

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-7-18

ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ОТ САМОДЕРЖАВИЯ К НАРОДОВЛАСТИЮ

Дамир Юсуфович Шапсугов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, shapsugov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция публичной власти как видоизменение форм отчужденной власти и их постепенное преодоление на основе использования новой технологической базы ее осуществления и становления свободной, ответственной личности.

Ключевые слова: публичная власть, отчуждение власти, народовластие, субъект, источник и носитель публичной власти, традиционное государство, новое государство, гражданское общество, бюрократия, цифровизация, искусственный интеллект, местное самоуправление

Для цитирования: Шапсугов Д. Ю. Проблема эволюции публичной власти в России: от самодержавия к народовластию // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 7–18. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-7-18>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

THE PROBLEM OF THE EVOLUTION OF PUBLIC POWER IN RUSSIA: FROM AUTOCRACY TO DEMOCRACY

Damir Yu. Shapsugov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shapsugov@yandex.ru

Abstract. The article observe the evolution of public authority in a traditional, new state, civil society as a modification of the forms of alienated power and its gradual overcoming based on the new technological platform for its implementation and the formation of a free, responsible person.

Keywords: public authority, alienation of power, democracy, subject, source and sovereign of public authority, traditional state, new state, civil society, bureaucracy, digitalization, artificial intelligence, local government

For citation: Shapsugov D. Yu. The problem of the evolution of public power in Russia: from autocracy to democracy. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):7–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-7-18>

Вся история человечества связана с организацией публичной власти и ее осуществлением, воплощавшимся в многообразных формах, одной из которых является государство, находившееся в постоянном взаимодействии с обществом. В определенном смысле, можно сказать, что публичная власть постоянно искала необходимые на данном этапе развития общества формы своего воздействия на него, призванные обеспечить его стабильное развитие в условиях постоянно происходящей в нем борьбы различных социальных

интересов. Поэтому вовсе неудивительно, что практически необъятная научная литература [1–6] посвящена исследованию публичной власти, значимость которой весомо усилилась в связи с принятием федеральных законов РФ, получивших наименование законов о публичной власти¹. Во всех случаях она преимущественно определялась через понятия субъекта, источника, носителя власти. Как известно, эти понятия получили свое закрепление в законодательстве разных стран. Так, например, в действующей Конституции РФ многонациональный народ России определен как источник и носитель государственной власти.

Публичная власть как власть, открытая по способам своего формирования и деятельности, выражает соотношение этих понятий. Если использовать критерий классификации публичной власти, основанный на данных понятиях, можно получить такие ее исторически существовавшие разновидности, как самодержавие (единовластие) – абсолютная власть одного лица или органа власти, когда субъект, источник и носитель публичной власти полностью совпадают. В том же случае, когда народ является источником власти в разных формах, в том числе и посредством выборов органов власти, публичная власть становится представительной и оформляется как парламентаризм. Это публичная власть от имени народа и, наконец, когда реальным субъектом власти является народ, он же выступает источником и носителем публичной власти, мы имеем народовластие как власть самого народа.

Во всех случаях, как показывает исторический опыт, возникают противоречия между субъектами (органами публичной власти), источником и носителем власти, приобретающие различный характер от непримиримо-враждебного до организационно-технического, легко разрешаемого.

Народовластием как системе публичной власти присуща масса недостатков, свойственных и другим способам властвования [7], обуславливающих ее нестабильность, вызываемую как закономерностями управленческой деятельности, так и действительной неспособностью значительной части общества, народа в историческом прошлом ответственно выполнять свои обязанности, ярко проявившиеся в периоды, когда члены общества наделялись широкими правами и свободами и вместе с тем становились объектами многочисленных манипуляций, приводивших к серьезным деформациям в развитии общества и дискредитации идеи прав и свобод человека как неспособной быть реализованной в соответствии с социальными ожиданиями от нее.

Вследствие объективных причин публичная власть в формате народовластия возможна только в развитом обществе, в котором существуют предпосылки для реализации известного принципа – «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех»². Традиционное государство не способно обеспечить этот принцип. Именно поэтому классики марксизма считали традиционным эксплуататорское государство, нуждающееся в уничтожении, посредством утверждения нового, социалистического государства, которое призвано было, по их мнению, прийти на смену традиционного эксплуататорского государства [9]. На этой основе ставилась задача обратного поглощения власти обществом при помощи нового государства, уничтожающего традиционное.

В связи с тем, что опыт строительства социалистического государства не удался, а новое государство оказалось во многом традиционным, а именно, преимущественно подавляющим, бюрократическим и коррупционным, сегодня можно было бы внимательно присмотреться к идее полной отмены государства и перехода ко всеобщему самоуправлению народа, которая в XIX в. была неосуществима и к тому же была дискредитирована

¹ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»; Федеральный закон РФ от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 14.03.2022).

² Об отчуждении власти от народа, о сущности народовластия, местного самоуправления, проблеме обеспечения интересов субъектов народовластия см.: [8, с. 123-143, 66-76, 247-305, 139-144].

впоследствии в связи с критикой анархизма, что, разумеется, не означает вероятности такой отмены в ближайшей перспективе, но тенденция превращения гражданского общества в субъекта публичной власти, а также успешность формирования небольших или средних по территории и численности населения государств в Европе, вновь ставят на повестку идеи Платона об объективных параметрах самодостаточности государства, поддержанные в последующие периоды развития политико-правовой мысли [10].

Возникшие в конце XX – начале XXI вв. информационные системы принципиально меняют условия формирования и осуществления публичной власти, требуют коренных перемен в устройстве и функционировании осуществляющих ее институтов, серьезно упрощают процедуры ее осуществления, практически сводя на нет предпосылки ее возможного негативного отчуждения от народа. Управленческая деятельность, когда-то обособившаяся и выделившаяся в особую сферу деятельности людей, может постоянно возвращаться к свободному, ответственному человеку, становясь вполне открытой и потому не нуждающейся в громоздкой, неэффективной системе контроля над ней и опирающейся на новые информационные системы.

Отчуждение власти от общества имеет не только философский, теоретический, преимущественно отмечавшийся в научной литературе¹, но и серьезный практический аспект. Отчуждение власти становится возможным, потому что ее субъект присваивает и практически произвольно использует все ресурсы сообщества, народа, что превращает народ в полностью зависимого от нее, деформируя человеческое достоинство входящих в него индивидов и систему ценностей гражданского общества. Применительно к государству идею отчуждения власти от общества четко сформулировал Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Его формула – **государство – публичная власть, все более и более отчуждающая себя от общества** – им распространялась на всю предшествующую историю государства, включая и капиталистическое, буржуазное [12, с. 77]. Обратное поглощение обществом своей власти ассоциировалось с социалистическим государством, призванным преодолеть это отчуждение уже в переходный период к коммунизму. С точки зрения уже известной нам практики социалистического строительства, этого не произошло. И в сегодняшнем мире мы имеем возможность наблюдать и исследовать проявляющее себя сплошь и рядом отчуждение власти от общества, выступающее как присвоение ее государством, подлинное ядро которого составляет бюрократия, не совпадающая с народом.

Исходя из этого объяснения, можно сделать вывод, что отчуждение власти от общества, превращение этой власти во власть государства, государственную власть [13], является выражением сущности традиционного государства, которая естественно в постоянно изменяющихся формах и разновидностях проявляется в течение всего исторического процесса существования государства. Таким образом, подчеркивается традиционная особенность государства, которая фактически не снята до сих пор, став более утонченной и интеллектуализированной.

Наряду с этим нельзя не заметить и постоянных попыток человечества снять это отчуждение, вернуть обществу, индивиду отделенную от него власть, или, хотя бы, поставить ее под свой жесткий контроль, породивших многочисленные системы выборов в представительные органы, местное самоуправление, институты ответственности и контроля отчужденной, публичной власти. Но всегда оказывалось, чем изощреннее контроль над властью, тем утонченнее способы сохранения отчужденной публичной власти. Становилось очевидным, что проблема в конечном итоге упирается и в так называемый субъективный фактор, в качества социализированного индивида, объединенного в некие сообщества людей, не способные противостоять государственной бюрократии, которая складывается как привилегированное сословие, организующее функционирование публичной власти.

¹ [11]; об отчуждении власти от народа и его преодолении см.: [8, с. 123-143].

Практика, при которой свободный ответственный гражданин – субъект власти может появиться только в борьбе с существующей властью, должна быть признана безусловно порочной. Таким образом, традиционное государство, воплощаемое в отчуждающей от общества бюрократической организации публичной власти, претендующей на выражение его действительных интересов, с этой точки зрения, является видимостью государства как бытия, лишенного сущности. Поэтому оно не является определением действительного государства. Противопоставленное ему социалистическое государство, рассматривавшееся как выражение начала процесса обратного поглощения обществом своей власти (государство типа Парижской коммуны 1871 г. – демократическая республика для диктатуры пролетариата – Советская республика, а затем, народно-демократические республики за рубежом) – должно было стать определенным, как казалось, шагом в этом направлении. Пролетариат и крестьянство, объявленные новым источником власти, не обладали необходимыми качествами для преодоления сложившегося отчуждения власти от общества. Государственной властью фактически овладела политическая партия, выступавшая от их имени. Гениальные идеи большевиков: «Власть – советам!», «Земля – крестьянам!», «Фабрики и заводы – рабочим!», право на самоопределение народам, обеспечили их победу в революции, но не были реализованы в своей подлинной сущности.

Государственная собственность оказалась собственностью *отчужденного государства*, для обозначения соответствующего права народа стали использовать понятия «народное достояние», «носитель», «источник» власти вместо вполне юридически понятных и разработанных понятий «субъект власти», «субъект права, права собственности».

Выражением отчуждения власти от общества и государства является несовпадение, противопоставление интересов личности и государства, провозглашение приоритета государственных интересов, интересов общества над интересами личности, а также создание приоритета личности перед государством и обществом. Первое выступает оправданием тоталитаризма и тирании, в условиях которой интерес одной личности, либо небольшой группы преподносится как интерес государства или общества в зависимости от того, кто представляет государство и общество: тиран чаще всего воплощает в себе государство, «слитное» с обществом. Те же интересы может претендовать представлять и оппозиция действующей власти, а также представители популистской массы. Суть всех этих возможных попыток манипулировать интересами больших групп людей, личности, государства состоит в претензии на иллюзорное, видимое, мнимое представительство и легитимность действующей власти, либо деятельности, направленной на ее свержение.

Во всех этих случаях мы имеем дело не с действительной тенденцией развития публичной власти к народовластию, а, скорее, со становящимся все более утонченными попытками сохранения традиционного государства, творчеством новых форм его возможного существования, препятствующих созданию предпосылок для возникновения народовластия как единственного устройства власти, которое способно обеспечить единство интересов названных выше субъектов и в процессе их формирования и осуществления, делающее возможным воспроизводство этого единства.

Отчужденная власть в государстве есть выражение видимого мира, претендующего на статус действительного мира, но в качестве бытия, лишенного сущности, неподчинение законам которого объявлялось одним из свойств святости Будды, наряду с перевоплощением, перерождением святости в человеческое существо, позволяющим достигнуть высшего блаженства, совершенства человека [14, с. 34, сн. 4]. В реальной жизни общества с традиционным государством безусловное подчинение любым законам, принятыми им, принимается как высшая ценность.

Это обстоятельство вполне понятно объясняет необходимость снятия отчуждения власти от общества как разновидности господства над человеком, создаваемого без учета его жизненных интересов, *видимого мира*, лишаящего его статуса свободного ответственного гражданина, отстраняющего его от человеческой деятельности, способной создать действительный мир, действительного человека, своими действиями обеспечивающего

развитие своей человеческой сущности, человеческой сущности общества и обслуживающих его институтов.

Термин «традиционное государство» давно получил прописку в научной и публицистической литературе, трактуется в большом количестве вариантов как с точки зрения исторических периодов существования традиционного государства, так и его содержательного наполнения, форм проявления, способов функционирования [15].

Термин «новое государство» так же часто применялся в многочисленных публикациях, чаще все в противопоставлениях традиционному государству.

В данном случае мы используем эти термины в качестве наиболее обобщенных понятий, претендующих на выражение сущности традиционного и нового государства в их постоянно развивающемся взаимодействии, составляющем действительную историю государства и ее воспроизведение в сознании человека. При этом, традиционное и новое государство мы не рассматриваем как очередную классификацию государств, большинство из которых нельзя признать бесполезными, ибо они отражают **развитие** нашего мышления, пытающегося объяснить государство в преимущественно рассудочной форме без разумного обобщения через категорию «**отчуждение власти от общества**», используемую как критерий для их различения, в соответствии с гегелевским пониманием развития сознания как изменение определений его объема [16, с. 415], поскольку все частные признаки государства выступают как ограниченные критерии уже существующих классификаций государств.

Публичная власть местного самоуправления в новейшем законодательстве Российской Федерации о публичной власти рассматривается как третий уровень ее организации. В теории и практике местного самоуправления Российской империи оно играло по определению В. И. Ленина роль «пятого колеса в телеге царского самодержавия», в советское время оно было включено в единую систему государственной власти. По законам СССР и РСФСР «О местном самоуправлении» и Конституции РФ 1993 г., оно было признано самостоятельным, независимым от государственной власти институтом публичной власти. В соответствии с действующей Конституцией РФ оно входит в единую систему публичной власти. По мнению А. Черткова, «Тандему государственной и муниципальной власти необходим триумвират с властью гражданского общества», что в действующей Конституции не нашло своего выражения [1].

Столь противоречивая и кажущаяся лишенной последовательности эволюция местного самоуправления связана, как нам представляется, с особенностями местного самоуправления как компонента единой системы публичной власти, тяготеющего по способам формирования и функционирования к государственной власти, а по своей социальной сущности к гражданскому обществу как системе негосударственных институтов публичной власти. С этой точки зрения, основной субъект местного самоуправления – местное общество, являющееся компонентом гражданского общества, обуславливает возможность его отнесения к последнему как выражение особенностей единства целостной публичной власти, включающей различия между ее разновидностями, составляющими ее единство.

Сегодня можно вполне определенно фиксировать деформированность институтов публичной власти – парламентаризма, выборности, референдумов, систем изучения общественного мнения и учета его результатов публичной властью, делающих их не только не эффективными, но и уже опасными для общества и его составных частей. Манипулирование отчужденной публичной властью, присвоенной одним лицом или группой лиц, имеющих право распоряжаться всеми ресурсами общества, не неся никакой реальной ответственности за их использование, становится фактором, отменяющим любые формы легального, законного сопротивления этой власти, становящейся абсолютной, самодержавной и потому узурпированной. Такая ситуация фактически переживалась любым народом, сообществом в процессе своего исторического развития, накопившем поучительный опыт по выходу из нее.

Обобщенно можно выделить два способа борьбы с узурпацией власти, получивших свое обоснование в истории человеческой мысли. Это идея и практика ненасилия,

обоснованная Ла Бозси в Трактате «О добровольном рабстве», согласно которым достаточно просто не повиноваться тоталитарной власти всем подданным одновременно, не совершая никаких активных действий. Как известно, эта работа Ла Бозси была настольной книгой многих выдающихся людей, в том числе и Л.Н. Толстого, и в определенном смысле вошла в его мировоззрение. Эта концепция в видоизмененном варианте как борьба через ненасилие была применена и М. Ганди в Индии в процессе освобождения Индии от английской колонизации.

Другой способ – силовое революционное свержение тоталитарной власти путем вооруженного восстания, которое становится неизбежным в условиях полного отсутствия легальных способов сопротивления власти. Именно такая ситуация, породившая учение о вооруженном восстании народа, разработанное В. И. Лениным и реально примененное большевиками в период Октябрьского переворота (1917 г.) в России, складывалась в России в начале XX в. Руководитель партии большевиков В. И. Ленин, тщательно проанализировав опыт пропагандистской работы в трудовых массах России, пришел к выводу, что победа революции в России невозможна только средствами пропаганды в силу чрезвычайной узурпированности публичной власти российским самодержавием, без вооруженного восстания, разработал целостное учение о нем, детально раскрыв возможный его ход и условия победоносного его завершения¹.

Проблема права на восстание в истории политико-правовой мысли периодически ставилась в трудах выдающихся мыслителей прошлого как результат осознания опасности, проистекающей от наделенной властными полномочиями и материальными ресурсами, становящейся независимой от общества отчужденной от нее публичной власти, включающей возможность легального сопротивления ей по законам, ею установленным.

История публичной власти знает огромное число событий, связанных с узурпацией власти. Из огромной массы примеров можно выделить античных тиранов, английских королей и свергнувшего их Кромвеля, а также: Людовик XVI и Наполеон, Петр I, Иван Грозный, Гитлер в Германии, Муссолини в Италии, Франко в Испании, Салазар в Португалии, Пиночет в Чили, С. Хуссейн в Ираке и т.д. Общим признаком созданных в подобных случаях систем власти выступало не только сосредоточение в одних руках (узурпатора) политической и юридической власти, но и максимально возможная концентрация социальных, финансовых и экономических, материальных ресурсов, призванных обеспечить провозглашающуюся ими видимость духовно-нравственных ценностей, навязанных обществу под видом его подлинных ценностей, нуждающихся для их защиты в организации эффективной публичной власти, которую они могут создать в случае их безусловной поддержки.

Понятно, что любая власть может существовать, только опираясь на систему указанных выше ресурсов. Вопрос заключается лишь в том, кто выступает субъектом публичной власти, распределителем этих ресурсов, как структурно организовано устройство публичной власти, для осуществления чьих конкретных интересов они используются? Ответы на эти вопросы заключены в реальных результатах, достигнутых отчужденной от общества властью, – показателях, убедительно свидетельствующих о жизненном уровне членов общества, уровне духовно-нравственного развития личности, достижений в области науки, культуры, искусства, техники, информационных технологий, свидетельствующих о развитии данного сообщества людей, становлении человеческой цивилизации и гражданского общества.

Отчуждение власти от общества выражалось в разнообразных формах – в идее суверенитета государства, впервые разработанной Ж. Боденом, обосновавшим суверенитет – как полную абсолютную, ничем не ограниченную власть государства, которая стала теоретическим завершением практики осуществления светской власти, исторически формировавшейся в борьбе с другими разновидностями власти и, прежде всего, властью церкви.

¹ [17: «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», «Советы постороннего»].

Другая форма взаимоотношений государства и общества нашла свое выражение в концепциях, авторы которых находили источник государственной власти не в личности правителя государства, а в согласии народа на установление власти над собой при строго определенных условиях ее осуществления. Нарушение этих условий государством трактовалось как возможность сопротивления такой власти, включая право на восстание против нее (Фома Аквинский, Марсилиус Падунский). Легитимность такого восстания была признана в эпоху Французской революции, когда восставшее третье сословие взяло в руки публичную власть общества, кардинально переформатировав ее структуру, форму и функции.

Практика свержения власти Временного правительства России, созданного для управления страной после отречения императора Николая II от престола до созыва Учредительного собрания, не получила впоследствии законодательного закрепления. Установленная новая советская власть, вопреки учению Маркса о социалистическом, отмирающем полугосударстве, закрепила лишь свою неизменность как единственно возможного народного государства как государства диктатуры пролетариата, никакими законами неограниченной абсолютной власти, призванной перерасти в общенародное государство с подавлением всех своих противников и становлением социально однородного, т.е. лишенного многообразия общества. Образ такого общества был обоснован еще Платоном – здесь все видят одинаково, слышат одинаково, строго сохраняя свою принадлежность к определенному слою, стабильное существование которого выступает условием стабильности всего общества.

К слову сказать, к этому времени уже целое столетие в США был принят Закон о восстании¹ как гарантии сохранения за народом его власти, с чем было связано право каждого гражданина иметь оружие, вытекавшее из возможности и необходимости всеобщего вооружения народа как гарантии подчинения публичной власти народу, гражданам. Эта гарантия, хотя и не обеспечила полностью и в каждый исторический момент избавление от поползновений к узурпации публичной власти отдельными людьми или группой лиц, но стратегически безусловно оказалась эффективной.

В специальных законах о восстании, сопротивлении власти могут быть регламентированы законные формы сопротивления возможным антинародным действиям органов государственной власти: свобода слова, митингов, демонстраций, забастовок, закрепление в Конституции государства института импичмента главы государства, применяемого достаточно редко, и роспуска парламента, ставшего в ряде стран вполне привычным явлением. В научной и учебной литературе дается обоснование права на сопротивление власти, право на восстание в связи с возможными посягательствами действующей власти на суверенитет народа [18–19; 20, с. 105; 21] и узурпацией публичной власти.

Становление новых начал в традиционном государстве в отечественной истории конца XX в. сопровождалось, как известно, отменой действующей конституции страны Указом Президента РФ от 21 сентября 1993 г., незаконность которой была подтверждена заключением Конституционного суда РФ от 21.09. 1993 г. «О соответствии Конституции Российской Федерации **действий и решений** Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанных с его Указом “О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года”», в котором действия и решения Президента РФ признавались не соответствующими части второй ст. 1, части второй ст. 21, ст. 3, части второй ст. 4, частям первой и третьей ст. 104, части 3 пункта 2 ст. 121, части второй статьи 121, статьям 165, 177 Конституции РФ, и последующим расстрелом из танков Парламента России, ее Верховного Совета и арестом руководства и значительной части его депутатов, не согласных с произошедшей узурпацией верховной власти в России, осуществленной Президентом Б. Н. Ельциным.

В «Особых мнениях», высказанных судьями Конституционного суда в связи с этими событиями, отмечаются процессуальные нарушения, имевшие место в ходе рассмотрения данного дела, но совершенно не оспаривается, точнее говоря, не рассматривается существо

¹ Закон США о восстании 1807 г. Электронный ресурс. https://wiki5.ru/wiki/Insurrection_Act_of_1807

дела – есть ли основания квалифицировать действия Президента РСФСР Б. Н. Ельцина как нарушающие Конституцию РФ, влекущие за собой отрешение его от должности президента. Практически не обсуждается и, следовательно, не оспаривается суть вопроса.

Созданный действиями Президента Б. Н. Ельцина и недостаточно профессиональными действиями Конституционного суда РФ, отмеченными в особых мнениях отдельных его членов, прецедент должен быть вновь исследован и тем самым должна быть поставлена точка в юридической оценке происшедших событий, какой бы горькой она ни была. При этом, необходимо исследовать всю совокупность противоречащих Конституции РФ действий, включая отстранение от власти вице-президента РФ, а также события начала октября 1993 г., включающие расстрел Парламента, арест народных депутатов и руководства Верховного Совета РФ, принятие Конституции без ее всенародного обсуждения, действительные итоги голосования, связанные с низким процентом участия граждан РФ в голосовании, завершившиеся принятием Конституции народом.

В принятой после этих событий новой Конституции РФ узурпация власти была признана недопустимой, но не содержала в себе ни ее определения, ни легальных форм деятельности по ее недопущению и преодолению. Государство по-прежнему сохранило традиционные институты власти, изменив их название, усилилась роль и значимость бюрократии, т.е. оставалось вполне традиционным государством, хотя и с закрепленными правами и свободами граждан, и демократическими процедурами законодательства и исполнения закона. Тем самым, новое государство выступало как изменяющаяся система отчужденной власти, являвшейся лишь трансформацией традиционного государства.

История человечества показывает, что обособленное от общества развитие публичной власти чревато серьезными негативными последствиями для него. Поэтому развитие систем публичной власти должно быть адекватным развитию народа, тесно связано с постоянным возобновлением его материальных, духовно-нравственных, социальных, экономических, финансовых, культурных ресурсов и их развитием.

Публичная власть настолько соответствует понятию о ней, насколько ее субъектом является свободный и ответственный народ, перед которым ответственна любая публичная власть, производная от него и служащая ему. Эта великая историческая миссия народа может быть реализована только в том случае, когда все те, кто его составляют, или их значительная часть, являются свободными и ответственными личностями. Такие народы и такие личности не появляются сами собой, а рождаются и формируются образом жизнедеятельности, которого придерживается каждый человек и человеческие сообщества. Именно они являются властным ядром народовластия.

Узурпация власти – это не просто ее захват, но и постоянное удержание в полном ее объеме, становящееся способом ее выживания, связанного с превращением народа в объект манипулируемого управления, включающего лишение его собственности, прав и свобод личности, народа и составляющих его социальных общностей.

Становящаяся абсолютной, власть как крайнее выражение ее отчуждаемости – совершенно очищена, освобождена от справедливости, морали, нравственности, правды, души. Ее субъектом названные ценности либо не признаются вовсе, либо трактуются крайне односторонне. Свободный ответственный гражданин – его первый и самый опасный враг, поэтому он не допускает его существование.

Социальные революции оказывали существенно влияние на традиционное государство, изменяли состав источников и носителей и даже субъектов публичной власти, но оставалась система его институтов, претерпевая известные изменения, отражавшие появление нового в государстве, в действительности являвшееся лишь видоизменением традиционного. Даже социалистическое государство, призванное уничтожить буржуазное и, казалось бы, беспощадно решавшее эту задачу, сохраняло или воссоздавало тюрьмы, суды, органы следствия, армию и весьма широко использовало «старых специалистов» в новом государственном аппарате с новой, но бюрократией, новой, но коррупцией, новым, но формализмом.

В этом проявлялось общее свойство отчужденной публичной власти развиваться по своим особенным законам, по своей особенной логике, сохраняющей отчужденность власти, видоизменяя частично ее содержание и форму, опираясь при этом на социальные качества и особенности изменяющегося источника, носителя и субъекта власти. Все эти изменения, выступающие как способ изменения и развития традиционного, характеризуют новое государство [22].

Поэтому, пока сохраняется отчужденность власти, традиционное государство сохраняется, оно является способом существования развивающегося отчуждения власти. Символом традиционного государства выступает всегда всемогущая бюрократия, для преодоления которой в традиционном государстве нет достаточных предпосылок, ибо она выступает воплощением всех человеческих «слабостей», находящих возможности для своего осуществления.

Развитое общество, в котором сформировался свободный ответственный индивид как действующий социальный субъект и новые информированные технологии, цифровизация и искусственный интеллект призваны вытеснить бюрократию, стать технологической основой народовластия, при котором должно осуществляться обратное поглощение обществом своей власти.

Новое государство, как уже отмечалось, может являться выражением процессов трансформации традиционного государства, направленной на преодоление или смягчение отчуждения власти от общества, ведущих к ослаблению их негативного влияния на поступательное развитие общества.

Обе эти тенденции (развитие традиционного и его трансформация в новом) в развитии современного государства, как и в прошлой его истории, ведут к постепенному формированию гражданского общества, в котором преобладающее значение приобретают процесс обратного поглощения обществом своей власти, изначальная негосударственность которого становится важным фактором.

Формирование свободной ответственной личности как базовой личности гражданского общества невозможно без действительных прав и свобод человека, правовых обязанностей, правовых запретов, обеспечивающих человеческое достоинство, формирование и осуществление правовых ценностей как составных частей действительного человеческого образа жизни.

Традиционное государство и соответствующее ему традиционное общество в процессе своего развития в результате формирования в нем элементов нового государства и гражданского общества порождают новое традиционное, но уже названное правовым государство, новое общество, но уже названное гражданским обществом. Новая разновидность публичной власти, названная народовластием, вбирает в себя эти тенденции, образуя целостную систему публичной власти, которая призвана быть системой эффективного воспроизводства и использования человеческого «капитала», основным источником развития которого, наконец, становится свободная ответственная личность – действительное ядро поступательного развития человечества.

Публичная власть в условиях народовластия, снимающего отчуждение власти на новой технологической основе, становится деятельностью народа, составляющих его общностей и индивидов, а также создаваемых ими органов по осуществлению принадлежащих им публичных, постоянно развивающихся прав, свобод, предоставленных полномочий и возложенных обязанностей, выражающих их социальные качества и отстаиваемые ими правовые ценности. Это определение публичной власти становится действительным и для гражданского общества, народовластия, существование которых невозможно без свободной ответственной личности, деятельность которой *одушевляет* публичную жизнь, преодолевая ее формализм, свойственный ей в любом традиционном государстве, традиционном обществе.

Исходя из изложенного, можно отметить, что эволюция публичной власти в России происходит в форме взаимодействия традиционного государства с формирующимися в нем элементами нового государства, традиционного общества с формирующимися в его

рамках новыми элементами гражданского общества, в конечном итоге означающими становление народовластия и гражданского общества как системы действительной публичной власти, возникновение которой означает постепенное преодоление отчуждения власти от общества, в котором публичная власть действительно становится единой, содержащей различия более высокого уровня, в особенности опирающиеся на новую технологическую базу, которая отсутствовала прежде.

В принятых в последнее время законах о публичной власти ее эволюция выступает как процесс очередной систематизации с выделением трех уровней ее закрепления: публичная федеральная государственная власть, публичная государственная власть субъекта федерации, публичная власть местного самоуправления¹. Почти полное формальное их разделение, свойственное законодательству начала 90-х гг., себя не во всем оправдало в плане достижения полного единства публичной власти, без которого ее устойчивое развитие становится недостаточно гарантированным. Но различение ее трех уровней осталось не снятым в обобщенном понятии о ней, подчеркивающим единство публичной власти.

Таким образом, эволюция публичной власти в России происходила в рамках традиционного государства и традиционного общества (от самодержавия к представительной власти) посредством их трансформации как процесса возникновения элементов нового государства, представляющих собой видоизменение форм отчуждения власти от общества, поставивших в актуальную повестку дня вопросы формирования народовластия и гражданского общества.

Законодательство о публичной власти фиксирует скорее современное состояние публичной власти как исходное состояние, от которого придется отталкиваться в дальнейшем. Эволюция публичной власти в формате республиканского государства с федеративной формой государственного устройства предполагает становление свободной ответственной личности как динамичного ядра свободного ответственного народа как первичного субъекта публичной власти в гражданском обществе и системе народовластия, которые в новом законодательстве о публичной власти не получили, к сожалению, четких определений и должны получить закрепление на следующих этапах его развития.

Институты, и особенно технологии отчуждения власти от общества, должны переходить в информационные системы, обслуживающие гражданскую жизнь человека через цифровизацию, искусственный интеллект². Разумеется, нет нужды впадать по этому поводу в большую эйфорию. Путь этот не так прост, как хотелось бы, но он уже найден, и есть возможность идти по нему с надеждой и уверенностью.

Список источников

1. Чертков А. Н. Публичная власть в обновленной Конституции // Адвокатская газета. 2020. 26 марта.
2. Чиркин В. Е. Публичная власть. М.: Юристъ, 2005. 174 с.
3. Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. 1992. № 6. С. 142-151.
4. Зеленев В. А. Становление гражданского общества в России: оптимизация взаимодействия подсистем общества. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004. 20 с.
5. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России. Сб. научных трудов по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола / Под общ. ред. А. В. Малько и К. А. Струсь. Пятигорск-Саратов-Москва: РИА КМВ, 2010. 321 с.
6. Резник Ю. М. Гражданское общество как феномен цивилизации. М.: «Союз», 1993. 167 с.

¹ См. об этом: [23].

² См.: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы. Утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Электронный ресурс: <https://base.garant.ru/71670570/>; О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. №490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700; Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014. № 313// Собрание законодательства РФ. РФ 2014. №18. Ст. 2159, а также: [24–25].

7. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М.: ИД «Русская книга», 1993. 212 с.
8. Шапсугов Д. Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. М.: Юрист, 2003. 685 с.
9. Байтин М. И., Гулиев В. Е., Косицын А.П. [и др.] Марксистско-ленинская общая теория государства и права : В 4 т. Т. 3: Социалистическое государство. М., 1972. 559 с.
10. Мойзес Наим. Конец власти. Пер. с англ. Н. Мезина, Ю. Полещук, А. Сагана. М.: АСТ, Corpus, 2016. 512 с.
11. Курелла А. Свое и чужое: Новое к проблеме социалистического гуманизма / Пер. с нем. Т. А. Рябушкиной и Л. А. Киселева ; Под ред. и с предисл. [с. 5-21] д-ра философ. наук А. С. Богомолова. М.: Прогресс, 1970. 279 с.
12. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 639 с.
13. Колесников В. А. Государственная и публичная власть: к исследованию взаимосвязи в современной России // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 1А. С. 20–30.
14. Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Элиста – Ростов-на-Дону, 2012. 455 с.
15. Разуваев Н.В. Понятия и признаки традиционного государства // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2008. № 3 (31). С. 51–71.
16. Гегель Г. Философия духа / Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1977. 471 с.
17. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. М.: Изд-во полит. литературы, 1969. 584 с.
18. Климова М. И. Народный суверенитет и право народа на восстание / Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Казань, 2015. С. 7–9.
19. Красинский В. В. О праве народа на восстание // Военно-юридический журнал. 2006. № 4. С. 21–23.
20. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 767 с.
21. Романовский Г. Б. Право на восстание и «цветные революции» в современном мире // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 1(6). С. 65–72.
22. Шапсугов Д. Ю. Российский конституционализм как болезненное прощание с самодержавием / Двадцатилетний период развития конституционализма в России: сборник материалов научно-практической конференции, посвященной юбилею Конституции Российской Федерации 1993 г., Ростов-на-Дону, 20 декабря 2013 г. Под общей редакцией проф. П. П. Баранова. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2013. С. 170–179.
23. Баранов П. П. Совершенствование конституционных основ национального единства российского общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 64–70.
24. Овчинников А. И. Правовое стимулирование развитие цифровой экономики: векторы и приоритеты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 15–24.
25. Овчинников А.И. Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8. № 4. С. 87–92.

References

1. Chertkov A. N. Public power in the updated Constitution. *Lawyer newspaper*. 2020. March 26. (In Russ.)
2. Chirkin V. E. *Public power*. Moscow: Lawyer; 2005. 174 p. (In Russ.)
3. Chernilovsky Z. M. Civil Society: research experience. *Gosudarstvo i parvo = State and law*. 1992;(6):142–151. (In Russ.)
4. Zelenev V. A. *The formation of civil society in Russia: optimization of interaction between the subsystems of society*. Autoref. dis.... cand. sociol. sciences. Saratov; 2004. 20 p. (In Russ.)
5. *Legal basis for the formation of civil society in modern Russia*. In: Collection of scientific works on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table. Under the general. ed. A.V. Malko and K. A. Strus. Pyatigorsk-Saratov-Moscow: RIA KMV; 2010. 321 p. (In Russ.)
6. Resnik Yu. M. *Civil society as a phenomenon of civilization*. Moscow: Publishing House "Soyuz"; 1993. 167 p. (In Russ.)
7. Victorious K. P. *The great lie of our time*. Moscow: "Russian Book," 1993. 212 p. (In Russ.)
8. Shapsugov D. Yu. *Problems of theory and history of power, law and state*. Moscow; 2003. 685 p. (In Russ.)

9. Baitin M. I., Guliyev V. E., Kositsyn A. P. [et al.] *Marxist-Leninist general theory states and rights*: In 4 vols. T. 3: Socialist state. Moscow; 1972. 559 p. (In Russ.)
10. Moises Naim. *End of power*. Transl. by N. Mezin, Yu. Poleshchuk, A. Sagan. Moscow: ACT, Corpus, 2016. 512 p. (In Russ.)
11. Kurella A. *His and someone else's: New to the problem of socialist humanism*. Transl. by T. A. Ryabushkina and L. A. Kiseleva; Ed. and with the foreword. [pp. 5-21] Dr. Philosopher. sciences A. S. Bogomolov. Moscow: Progress; 1970. 279 p. (In Russ.)
12. Engels F. Origin of Family, Private Property and State. In: *Marx K., Engels F.; Selected works*. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Politizdat; 1986. 639 p. (In Russ.)
13. Kolesnikov V. A. State and public power: to the study of the relationship in modern Russia. *Theories and problems of political research*. 2018;7(1A):20–30. (In Russ.)
14. *Anthology of monuments of the law of the peoples of the Caucasus*. T. 9. Elista – Rostov-on-Don; 2012. 455 p. (In Russ.)
15. Razuvaev N. V. Concepts and signs of the traditional state. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Aktual'nye problemy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Management consulting. Current problems of state and municipal administration*. 2008;3(31):51–71. (In Russ.)
16. Hegel G. Philosophy of the Spirit. In: *Encyclopedia of Philosophical Sciences*. Vol. 3. Moscow; 1977. 471 p. (In Russ.)
17. Lenin V. I. *Complete works*. Vol. 34. Moscow: Publishing house polit. literature, 1969. 584 p. (In Russ.)
18. Klimova M. I. People's sovereignty and the right of the people to revolt. In: *Problems and prospects of jurisprudence in modern conditions. A collection of scientific works based on the results of an international scientific and practical conference*. Kazan; 2015:7–9. (In Russ.)
19. Krasinsky V. V. On the right of the people to uprising. *Voенно-yuridicheskii zhurnal = Military Law Journal*. 2006;(4):21–23. (In Russ.)
20. Baglai M. V. *Constitutional law of the Russian Federation*. Textbook. Moscow; 2018. 767 p. (In Russ.)
21. Romanovsky G. B. The right to revolt and "color revolutions" in the modern world. *Rossiiskii zhurnal pravovyykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Research*. 2016;3(№ 1(6)):65–72. (In Russ.)
22. Shapsugov D. Yu. Russian constitutionalism as a painful farewell to autocracy. In: *Twenty-year period of the development of constitutionalism in Russia: a collection of materials from a scientific and practical conference dedicated to the anniversary of the Constitution of the Russian Federation*. Under the general editorship of prof. P. P. Baranov. Rostov-on-Don: URIU RANEPА; 2013:170–179. (In Russ.)
23. Baranov P. P. Improving the constitutional foundations of the national unity of Russian society. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(4):64–70. (In Russ.)
24. Ovchinnikov A. I. Legal stimulation of the development of the digital economy: vectors and priorities. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(4):15–24. (In Russ.)
25. Ovchinnikov A. I. Human rights in the context of the digital transformation of society and the state. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. 2021;8(4):87–92. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Ю. Шапсугов – заслуженный юрист РФ, докт. юрид. наук, проф., директор центра правовых исследований, научный руководитель школы правового мышления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. Yu. Shapsugov – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Lawyer Sciences, Prof., Director of the Center for Legal Research, Supervisor of the School of Legal Thinking. of URIU RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 14.06.2022.
The article was submitted 25.02.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 14.06.2022.